

W 61
368

2007081635

W 368 ЗАПИСКИ

РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА:

ГОЛЛАНДІЯ, БЕЛЬГІЯ И НИЖНІЙ РЕЙНЪ.

Князя Алекстыя Мещерскаго.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1842.

35367

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ, чптобы по оппечатапіи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. Москва, 6го Апрѣля 1842 года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

ЗАПИСКИ

РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Пароходъ. — Травемюндъ. — Любекъ. — Гамбургъ. — Альтона. — Могила Клопштока. —
Больница.

Потъздка моремъ не имѣетъ ничего привлекательнаго: здѣсь все однообразно и угрюмо! Во время тихаго плаванія есть еще возможность пользоваться пріятностію общесва, но вмѣстѣ съ переменною погоды исчезаетъ и любезность въ разговоръ: всѣ расходятся по угламъ, спрашиваютъ, жалуются, ропщутъ и немилосердно накидываются на перваго услужливаго, имѣвшаго неосторожность вызватьсь съ утѣшеніями. Что можешь быть несноснѣе человѣка, заняшаго однимъ своимъ физическимъ спраданіемъ!

Въ первыхъ числахъ Іюня 1839 года, я заплашилъ за мѣсто до Любека, и на транспортномъ суднѣ отправился въ Кронштадтъ:

тутъ стоялъ на якорѣ большой красивый пароходъ. Когда мы перешли на него и размѣстились около длинныхъ столовъ, чтобъ приняться за Нѣмецкій обѣдъ, насъ нашлось болѣе 240 человекъ. Респорашёръ, вѣроятно, не готовился къ такому числу гостей, что особенно можно было примѣнить по скучно долгимъ промежуткамъ при перемѣнѣ блюдъ: мы должны были просидѣть около трехъ часовъ. Сколько пробокъ взлетѣло къ потолку, сколько вздоховъ вырвалось изъ груди, сколько различныхъ чувствъ, разныхъ воспоминаній спалкивалось въ одно и то же время! Около вечера спали показывавшаяся пустыя мѣста: всѣ, одинъ за другимъ, спѣшили на палубу, и, наконецъ, лодки съ грузомъ родственниковъ и друзей поплыли къ гавани — путешественники остались одни. Вотъ крипическая минута! Каждый спѣшитъ узнать покороче безоплучнаго товарища, которымъ судьба наградила его на цѣлые три дни, и какъ непріятно это испытаніе, какъ несносны глаза, усмремленные съ пронцапельнымъ любопытствомъ! А улыбка учтивости, этотъ обвѣщающій шлемпель свѣтскихъ приличій, дѣлаетъ ихъ еще не-

спершимъе. Присупъ къ прехдневному разговору очень тяжель ! До меня очередь не доходила, а попому я, забавляясь затруднишельнымъ положеніемъ моихъ спупниковъ, свободно могъ прислушивапсья къ вопросамъ и опвѣтамъ. Тогда невольно пришелъ мнѣ на память разсказъ о спрапностяхъ одного запѣйливаго весельчака, который былъ такъ неравнодушенъ къ любопытству другихъ, что рѣшился вооружитсья пропшвъ него самымъ опчаяннымъ образомъ. При входѣ въ общую столовую комнату, прежде чѣмъ брался за приборъ, онъ обыкновенно спѣшилъ сообщить о себѣ самыя полныя свѣденія : „Милоспивые Государи ! меня зовупъ такъ-то ; пупешествую для своего удовольствія ; ѣду изъ такого-то города въ такой-то ; опъ роду мнѣ сполько-то лѣпъ ; имѣю семейство ; первая моя жена умерла родами ; я женился на другой, копорая подарила меня двумя милыми дочерьми и шалуномъ сыномъ ; дѣвочекъ воспитываю дома, а мальчика опдалъ въ заведепіе. Состояніе мое небольшое, но могу житъ безъ заботъ ; за исключеніемъ подагры, періодически навѣщающей меня каждую осень, я пользуюсь опличнымъ здоровьемъ ; припомъ веселаго ха-

рактера : люблю общество и хорошее вино. Ну , Кельнеръ , теперь ты можешь дать мнѣ тарелку супу.“

Мы простояли на якорѣ до двухъ часовъ утра , поджидая Англійскаго курьера съ депешами. Во всю ночь никто не ложился : всякому хотѣлось видѣть первое движеніе парохода. „Мнѣ кажется , онъ уже прогасится,“ сказала одна дама , медленно укладывая зеленую сафьянную записную книжку въ наручный мѣшокъ. „А мнѣ такъ кажется , что онъ пошелъ,“ отвѣчалъ щеголевато-одѣтый молодой человекъ , который , не обращая вниманія на шумъ колесъ , искалъ только случая завязать разговоръ „Помилуйте , давно уже , какъ онъ идетъ !“ вскричалъ нетерпѣливый Капитанъ , и громкій смѣхъ послышался со всѣхъ сторонъ. — Утро было прекрасное ; но около полудня показались рыболовы. Зловѣщія птицы никогда не ошибаются : скоро поднялся вѣтръ , и черезъ часъ одни мужчины оставались на палубѣ. На другой день погода переменилась , но смотрѣть было не на что : мы были въ открытомъ морѣ , а берега съ ихъ видами , во время качки ускользнули отъ насъ. Когда мы приближались къ Боригольму , Капи-

ипанъ пришелъ съ извѣщеніемъ , что островъ видѣнъ ясно. Мы подошли къ нему еще ближе , и въ его видахъ я не нашелъ ничего особеннаго ; но перо незабвеннаго Карамзина сдѣлало его интереснымъ. Всѣмъ хотѣлось смотрѣть, всякому хотѣлось вскрикнуть: „Боригольмъ! Боригольмъ!“ На пространствѣ отъ него до Рюгена , встрѣчающіяся виды довольно живописныя : по берега съ опушкою мелкаго лѣса, по долины съ деревнями, садами и красивыми усадьбами сельскихъ домиковъ, по угрюмыя , нависшія скалы смотрятся въ морѣ. Чѣмъ болѣе мы приближались къ цѣли нашего путешествія, тѣмъ занимательнѣе разнообразились картины. Наконецъ показался вдали и Травемюндъ. Нетерпѣніе овладѣло всѣми; но какъ нарочно , все дѣлалось противъ нашего желанія: уже смерклось совершенно, когда не доходя до него, на разстояніи четверти версты былъ брошенъ якорь : Капитанъ боялся попасъ на мель. Въ слѣдствіе нѣсколькихъ ракетъ, пущенныхъ чтобы вызвать лоцмановъ , подошелъ маленькій пароходъ для переездки насъ , но имъ никто не воспользовался. Остатокъ ночи мы провели въ разговорахъ, а съ восходомъ солнца потянулись

къ гавани. — Травемюндъ очень малъ ; но его деревянные домики довольно красивы, хотя не всѣ одинаково опрятны.

Дорога до Любека не имѣетъ ничего замѣчательнаго. Въ самое короткое время я прибылъ въ этотъ торговый городъ , и первою моею заботою было искасть, гдѣ помѣститься: музыкальное собраніе привлекло сюда до восьми сотъ артистовъ , копорыми наполнились всѣ комнаты практировъ. Неудачныя попышки охладили меня къ Любеку : я рѣшился ѣхать до Гамбурга. Но пока запрягали лошадей, мнѣ удалось сдѣлать небольшую прогулку: дома въ нѣсколько этажей и съ пирамидальными крышами, при узкихъ улицахъ, дають городу видъ мрачный ; особенной чистоты также не замѣтно. Мнѣ не жаль было расстаться съ нимъ.

Шоссе до Гамбурга, начатое пять лѣтъ тому назадъ, дѣлается и по сіе время; утвердительно можно сказать, что еще нѣсколько лѣтъ будутъ ѣздить по песчаной дорогѣ, копорая нестерпима. Совершенно смерклось , когда я пріѣхалъ. Выбирать гостиницу было трудно ; я велѣлъ себя везти въ Лондонъ :

тутъ останавливаются всѣ, желающіе имѣть хорошія комнаты, вкусный столъ и внимательную прислугу. За исключеніемъ цѣнъ, очень высокихъ, заведеніе заслуживаетъ справедливую похвалу. — Городъ красиво выстроенъ. Улицы широки, хорошо вымощены и содержатся опрятно; за то переулки узки, кривы и нечисты. Все проспективо земли, прежде занятое укрѣпленіями, постепенно покрывается садами, и составляетъ прѣстольное мѣсто для гулянья, откуда можно наслаждаться открывшимися видами. Туда жители собираются дышать чистымъ воздухомъ подъ тѣнью роскошныхъ деревьевъ, и слушать музыку, кошорая къ вечеру собирается въ кофейныхъ домахъ. Употребивъ цѣлое утро на то, чтобы ознакомиться съ городомъ, послѣ обѣда я пошелъ въшкомъ въ Альпону. Гамбургскій житель, съ которымъ мы сошлись на пути, назвался бывшѣ моимъ компаньонъ. Онъ когда-то проживалъ въ Россіи по торговымъ дѣламъ, и былъ очень радъ прислужиться Русскому. Мы проходили площадью, покрытою балами и балаганами, около которыхъ толпился народъ. Тутъ показывались разныя диковины: бѣлыя мыши въ банкѣ, чучелы изъ крысъ,

змѣишья шкуры, шуповской театръ и какая-то панорама. „Вотъ предмѣстіе Гамбурга, и скоро будемъ въ Альфонъ!“ сказалъ мой товарищъ. Наконецъ пришли мы и къ ней. „Гдѣ же граница между Гамбургомъ и владѣніями Датскаго Короля?“ спросилъ я, видя непрерывную цѣпь домовъ, которою соединялись предмѣстія обоихъ городовъ. „Границы вы шупъ не найдете,“ отвѣчалъ онъ: „потому что этотъ домъ споймъ одною половиною на Гамбургской землѣ, а другою на Датской. Но если вы хотите непременно ее видѣть, то пойдемте въ боковую улицу: тамъ я вамъ ее покажу.“ Повернувъ въ переулокъ, мы поровнялись съ заднею частію дома, отдѣлявшагося отъ соседняго небольшимъ проходомъ воды. Здѣсь, на разстояніи полупора аршина, сдѣлана отъ одной стѣны до другой дуга изъ полосы желѣза, на верху которой поставленъ значекъ. „Вотъ,“ сказалъ мой проводникъ: „граница двухъ владѣній!“ Не лѣзя было не полюбоваться средствомъ, придуманнымъ жишелями, чшобъ поправить ошибку простодушнаго, напріархальнаго быта предковъ. — Альфону не лѣзя сравнить съ Гамбургомъ. Нѣшъ того оцряпнаго вида и улицы не шакъ красивы; но

одна изъ нихъ мнѣ особенно понравилась: экипажи свободно могутъ разъѣзжать по обѣимъ сторонамъ аллеи изъ вѣковыхъ деревьевъ, коихъ сучья сплетаются надъ головами гуляющихъ, и изъ этой густоты вѣтвей показываются на всякихъ пятнадцати или двадцати шагахъ висящія лампы, разливающія достаточный свѣтъ во время вечерней прогулки. — Мы пришли къ кладбищу: быть въ Альфонъ, и не видавъ могилы Клопшюка, казалось мнѣ непростибельнымъ. Я повернулъ защелку плотно припворенной двери, и вошелъ въ ограду. Около храма, довольно ветхаго, но искусно поновленнаго, множество надгробныхъ камней, украшенныхъ цвѣтами, свидѣтельствуютъ о памяти живыхъ къ умершимъ, и между ними, какъ между любимцами міра, одинъ опшельникъ! Крапива и рѣпейникъ закрываютъ его до половины. »Вотъ могила Клопшюка!« сказалъ мой товарищъ, и мы съ любопытствомъ подошли къ ней. Надпись простая, полустершая временемъ, извѣщаетъ, гдѣ погребены останки одного изъ величайшихъ поэтовъ. Его первая жена, а потомъ вторая и ребенокъ положены тушь же. — Клопшюкъ всегда пользовался уваже-

ніемъ своихъ соотечественниковъ ; по смерти еще болѣе опдають справедливости его необыкновенному таланту ; но любимъ онъ не былъ. Не многіе изъ Германцевъ понимаютъ языкъ его , а еще менѣе тѣхъ , которые могли бы понять его мысль. Кажется, что онъ самъ себя не понималъ: иначе какъ объяснить его дерзновеніе въ выборѣ столь высокаго и священнаго предмета для Эпопеи?

Нѣсколько подальше начинается извѣстный своими видами Альпонскій садъ. Мы вошли въ респорацію , и сквозныя стѣны вывели насъ на длинную террасу задняго фасада дома, гдѣ открылась одна изъ тѣхъ плѣнишелейныхъ видописей, которыя на картинахъ кажутся игрою воображенія. Среди луговъ съ перелѣсками и селеніями , Эльба , покрывая во всѣхъ ея извилистыхъ направленіяхъ легкими судами и барками , тянется серебристою полосою ; опдаленныя красивыя усадьбы сливаются съ лугомъ и берегами рѣки ; зеленая завѣса скрываетъ иногда дальніе виды, за то, въ прорѣзахъ, картины кажутся еще прелестнѣе — онѣ опдѣлены отъ остальнаго, и какъ бы вспавлены въ рамки. На террасѣ постав-